

Ни ночь, ни день покоя нѣту,
Хотя имъ вся покойна тварь,
Хотя онъ громкой славой знатенъ.
Но ахъ! и тронъ всегда ль пріятенъ
Тому, кто вѣкъ свой въ хлопотахъ?
Тутъ зрѣть обманъ, тамъ зрѣть упадокъ:
*Какъ бѣдный часовой тотъ жалежъ,
Который вѣчно на часахъ!*

Но не бойтесь: грустное чувство не овладѣть ходомъ оды, не окончить ея элегическимъ аккордомъ,—что такъ любить наше время; поэтъ опять находить поводъ къ радости въ томъ, что на минуту повергло его въ унылое раздумье:

И такъ, доколь еще ненастье,
Не помрачаетъ красныхъ дней
И приголубливаетъ счастье,
И гладить насъ рукой своей;
Доколь не пришли морозы,
Въ саду благоухаютъ розы,—
Мы поспѣшимъ ихъ обонять.
Такъ будемъ жизнью наслаждаться,
И тѣмъ, чѣмъ можемъ, утѣшаться,—
По платью ноги протягать.

Заключение оды совершенно неожиданно, и въ немъ видна характеристическая черта того времени, непременно требовавшего, чтобы сочиненіе оканчивалось моралью. Поэтъ нашего времени кончилъ бы эту пѣсню стихомъ «по платью ноги протягать»; но Державинъ прибавляетъ:

А если ты, или кто другіе
Изъ званныхъ милыхъ мнѣ гостей,
Чертоги предпочтя златыя
И яства сахарныя парей,
Ко мнѣ не срядитесь откушать,
Извольте вы мой толкъ послушать:
Блаженство не въ лучахъ порфирь,
Не въ вкусъ яствъ, не въ вѣгъ слуха,
Но въ здравьи и въ спокойствіи духа.
Умѣренность есть лучший пиръ.

Ту же мысль находимъ мы во многихъ стихотвореніяхъ Державина; но съ особенной рѣзкостью высказалась она въ одѣ «Къ Первому Сосѣду», одномъ изъ лучшихъ произведеній Державина.

Кого роскошными пирами,
На влажныхъ неeskихъ островахъ,
Между тѣнистыми древами,
На муравъ и на цвѣтахъ,
Въ шатрахъ персидскихъ, златошвейныхъ,
Изъ глинь китайскихъ драгоцѣнныхъ,
Изъ вѣнскихъ чистыхъ хрусталей,
Кого столь славно угощаешь,
И для кого ты расточаешь
Сокровища казны твоей?
Гремитъ музыка, слышны хоры,
Вкругъ лаковыхъ твоихъ столовъ.
Сластей и ананасовъ горы,
И множество другихъ плодовъ
Прельщаютъ чувство и питаютъ;
Младья дѣвы угощаютъ,
Подносятъ вина чередой—
И аліатико съ шампанскимъ,
И пиво русское съ британскимъ,
И мозель съ зельтерской водой.
Въ вертепѣ мраморномъ, прихладномъ,
Въ которомъ льется водоскатъ,

На ложѣ розъ благоуханномъ,
Средь нѣги, лѣни и отрадъ,
Любовью распаленный страстной,
Съ молодой, веселю, прекрасной
И съ нѣжной нимфой ты сидишь;
Она поетъ,—ты страстно таешь,
То съ ней въ весельи утопаешь,
То, утомленъ весельемъ, спишь.

Сколько въ этихъ стихахъ одушевленія и восторга, свидѣтельствующихъ о личномъ взглядѣ поэта на пиршественную жизнь того рода! Въ этомъ виденъ духъ русскаго XVIII вѣка, когда великолѣпіе, роскошь, пиры, казалось, составляли пѣль и разгадку жизни. Со всѣми своими благоразумными толками объ «умѣренности» Державинъ невольно, можетъ быть, часто безсознательно, вдохновляется восторгомъ при изображеніи картинъ такой жизни,—и въ этихъ картинахъ гораздо больше искренности и задушевности, чѣмъ въ его философскихъ и нравственныхъ одахъ. Видно, что въ первыхъ говорятъ душа и сердце; а во вторыхъ—резонерствующій холодный разсудокъ. И это очень естественно: поэтъ только тогда и искрененъ, а слѣдовательно, только тогда и вдохновенъ, когда выражаетъ непосредственно присутствіе душъ его убѣжденія, корень которыхъ растетъ въ почвѣ исторической общественности его времени. Но, какъ мы замѣтили прежде,—пиршественная жизнь была только одной стороной того времени; на другой его сторонѣ вы всегда увидите грустное чувство отъ мысли, что нельзя же вѣкъ пировать, что переворотъ колеса фортуны или безпощадная смерть положить жерано или поздно конецъ этой прекрасной жизни. И потому остальная половина этой прекрасной оды растворена грустнымъ чувствомъ, которое однако же не только не вредитъ внутреннему единству оды, но въ себѣ именно и заключаетъ его причину, ибо оно, это грустное чувство, является необходимымъ слѣдствіемъ того весело-восторженнаго праздничнаго чувства, которое высказалось въ первой половинѣ оды.

Ты спишь—и сонъ тебѣ мечтаетъ,
Что въ вѣкъ благополученъ ты:
Что само небо разсыпаетъ
Блаженства вкругъ тебя цвѣты;
Что парка дней твоихъ не коситъ:
Что откупъ вновь тебѣ приноситъ
Сибирски горы серебра,
И дождь златой къ тебѣ лѣтаетъ.
Блаженъ, кто поутру проснется
Такъ счастливымъ, какъ былъ вчера!
*Блаженъ, кто можетъ веселиться
Безперервно въ жизни сей!*
Но рѣдкому пловцу случится
Безбѣдно плавать средь морей:
Тамъ бурно дышать непогоды,
Горамъ подобно гонять воды
И съ пѣною песокъ мутятъ.
Петрополь сосны осѣняли,
Но вихремъ поражены пали: